

Александр Павлович Люсий –

старший научный сотрудник Российского института культурологии и Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева

Византийский нарратив

Империя, согласно Майклу Хардту и Антонио Негри, является не только всеобъемлющим пространственным порядком, направленным в идею к устранению каких-либо границ, но и определенной формой организации времени как остановки истории и фиксации памяти. Историческая точка зрения империи такова, что установленное ею положение вещей изымается из истории, являясь не преходящим моментом, а способом управления вне каких-либо пространственно-временных, социальных и природных рамок, в конечном счете представляя собой совершенную форму социобиовласти. Византизм же – это скорее слепое пятно такой точки зрения.

Имперокритицизм: память жанра

Создатели США как «оплота демократии» были воодушевлены моделью древней Римской империи – с открытыми и расширяющимися гра-

ницами и распределением власти по сетевому принципу, в настоящий момент выходящему на первый план. В сущности, как ситуационная сетевая империя может быть представлена конфигурация чемпионата Европы по футболу 2012 года, в которой живет память об имперско-договорном периоде существования Речи Посполитой (Польша–Украина). Тогда как спортивно-сырьевой империализм новой России реализуется в проведении чемпионата мира 2018 года самодержавно, в то же время имея шанс впервые провести состязания сразу и в Европе, и в Азии, что создает конкретное внутренне диалогическое евразийское напряжение. Не знаю, как организаторы распорядятся его энергетикой, пока что исчерпанность жанра наглядно проявилась в куда более болезненно воспринимаемом отношении российской сборной, одной из самых затратных неоимперских структур, к своим собственным болельщикам, чем «грюнвальдские» битвы рос-

сийских и польских футбольных фанатов. Впрочем, прототипом Европейского союза как объединения равноправных, суверенных и самоуправляющихся субъектов является отнюдь не централизованная Римская империя или империя Карла Великого, тем более Византия, а скорее Ганза и другие средневековые городские союзы, которые существовали и на севере России. Ощущение жанра с его актуальной или находящейся в состоянии анабиоза памятью — существенный компонент культуры. Великий нарратив способен дать оправдание знанию прошлого, позволяя историческим частностям найти их место в более широком поле истории, и это может также служить поддержкой господствующим нарративов, свойственных отдельным этническим, национальным, религиозным и другим группам. Обратная сторона великих нарративов — «дисциплинарный империализм», о котором пишут Рэндалл Коллингз и Николай Розов. Ориентализм сменился постколониализмом — в сущности, той же самой формой методологического колониализма, сопровождающегося принуждением к постколониализму.

Разбирая роль европейской беллетристики XVIII–XX веков в распространении ориенталистских стереотипов, один из знаковых интеллектуалов современности Эдвард Саид из русских классиков вскользь упомянул лишь Льва Толстого, вообще не коснувшись ни Пушкина, ни Лермонтова — при всем значении для их творчества восточной экзотики. Саид предупреждал, что русский ориентализм требует дальнейшего изучения, оговаривая его отличие от «классических» европейских образцов.

Культура жанрового мышления предусматривает игру в той или иной степени «им-

ПСЫ ВОЙНЫ

«Берегись, приятель! Было б как-то неудобно, если бы ты их приспустил». На ошейниках собак: Герцеговина, Сербия, Черногория, Босния.

Журнал «Панч». 1876

Пушкин интуитивно постиг глубинные процессы, назревавшие в обеих империях — и Российской, и Османской — и развернувшиеся в следующем веке именно в отмеченных им формах (Стамбул «раздавят», но «не таков Арзрум»), то есть падение Османской империи исторически неизбежно, как и исходящее из глубины страны возрождение новой Турции (неважно, что ее столицей стал не Эрзерум, а Анкара).

перских» жанров. Пушкин, по известному определению Георгия Федотова, был «певцом империи и свободы». Аналогичным образом его предшественник — Николай Карамзин — сначала написал (с точки зрения «свободы») статью

«О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», среди главных героев которой — князь-рыцарь Святослав, а затем самодержавно-имперскую «Историю государства Российского».

У Византии не нашлось своего запасного «Арзрума», так как, строго говоря, Византия сыграла свою роль «Арзрума» для Римской империи, выработала ее до конца и уступила Оманской империи, именно с распадом которой распад СССР соотносим в большей мере, чем с летальным исходом Византии.

Эдвард Саид в «Ориентализме» отмечал, с одной стороны, усиленное финансовое стимулирование ориенталистских исследований, с другой — отсутствие у последних самокритики. То же самое теперь порой наблюдается у нынешнего посториентализма. Саида попробовала «пересаидить» Ева Томпсон в книге «Трубаду-

ры империи: российская литература и колониализм». Саидизм от Томпсон — пример редукционистской методологической агрессии против самой ядерной жанровой структуры с ярко выраженным «саидизмом» по отношению к фактам, что обесценивает ряд верных замечаний. Так, откровенно «колониальному»

Пушкину, следовавшему байроновской модели описания «экзотических» народов, противопоставляются не современные ему европейские авторы, а прежде всего более ироничный, но при этом куда более поздний литературный «колонизатор» Джозеф Конрад. Конрад, конечно, писатель интересный, но для литературной самокритики здесь более важен все же Велимир Хлебников, писавший об историческом долге русской литературы перед многими народами, который по мере сил отдается современными писателями (Алексеем Ивановым, Владимиром Штепой и другими). «Пушкин, — пишет Томпсон, — цитирует турецкую поэму, которая сравнивает набожный (и поэтому, вероятно, непобедимый) Арзрум со Стамбулом, который обречен на падение, потому что не придерживается предостережений Корана. Автор этой поэмы ошибся: Арзрум пал перед россиянами». Получается, Томпсон попадает в расставленные Пушкиным «колониальные» сети литературной мистификации. Давно установлено, что янычар Амин-Оглу, сатирическую поэму которого якобы цитирует Пушкин в «Путешествии в Арзрум в 1829 году», — лицо вымышленное, элемент литературной игры (это не перевод, а оригинальные стихи).

Однако даже если принять всерьез посыл «перевода», вряд ли стоит этот опыт проникновения вглубь «восточного» мышления трактовать как примитивное торжество победителя. Во включенном Пушкиным в «Путешествие в Арзрум» отрывке «Стамбул гяуры нынче славят» содержится не столько усмотренное Томпсон мелковатое уличение своего персонажа в ошибочности, сколько поэтическая солидарность с ним по-

верх сиюминутных событий. Описание Стамбула во многом напоминает описание Петербурга из «Евгения Онегина» — столицы, живущей по образцу Парижа. Арзум, не спящий в «роскоши позорной» и не черпающий «чашей непокорной в вине разврат, огонь и шум», вполне сопоставим с матушкой-Москвой, которая встречает путешественников своими белокаменными храмами и колокольнями: «Но вот уж близко. Перед ними уж белокаменной Москвы, как жар, крестами золотыми горят старинные главы». Если в Арзуме до сих пор «строги законы», то лейтмотивом в изображении Москвы становится традиционность и семейственность.

При этом Пушкин интуитивно постиг глубинные процессы, назревавшие в обеих империях — и Российской, и Османской — и развернувшиеся в следующем веке именно в отмеченных им формах (Стамбул «раздавят», но «не таков Арзум»), то есть падение Османской империи исторически неизбежно, как и исходящее из глубины страны возрождение новой Турции (неважно, что ее столицей стал не Эрзерум, а Анкара). Эта формула не потеряла актуальности для понимания современных событий в исламском мире. В конечном счете, это всеобщая формула имперской судьбы. В том числе, и судьбы Византии, у которой не нашлось своего запасного «Арзума», так как, строго говоря, Византия сыграла свою роль «Арзума» для Римской империи, выработала ее до конца и уступила Османской империи, именно с распадом которой распад СССР соотносим в большей мере, чем с летальным исходом Византии.

Место укуса

Наш доморощенный ориентализм — нынешняя версия

Мустафа Кемаль Ататюрк

Турки оказались в роли санитаров исторического биоценоза, и лес категорий пророс лесом мечетей. Неожиданный смысл приобретает неоднократно отмеченное позднейшее внешнее сходство Ататюрка с волком (но не лесным, а степным). О биоисторической органичности перетекания Византийской империи в Османскую свидетельствует не только архитектура, но и характер имперского устройства.

византизма. Не могу претендовать на оригинальность общих впечатлений от храма Софии в нынешнем Стамбуле. На ее месте, как нередко бывает с христианскими святынями, в языческие времена тоже было капище — по всей вероятности, храм Артемиды. Что же касается Софии,

то сохранившаяся до наших дней Церковь Божественной Мудрости — третья по счету. Первую заложил около 330 года сам основатель новой столицы Константин Великий (от нее не осталось ни одного бесспорного фрагмента). Она была освящена в 360 году, но через 44 года сгорела.

Преподобный Максим Грек

Василий Розанов:

«Разлагаясь, умирая, Византия нашептала России все свои предсмертные ярости и стоны и завещала крепко их хранить России. Россия у постели умирающего очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла их нежно к детскому своему сердцу и дала клятвы умирающему».

В 415 году Феодосий II построил на этом же месте новый храм. Но и тот был разрушен в 532 году во время восстания «Ника». Жестоко подавив это восстание, за дело взялся тот, при котором Византия находилась на пике своего могущества, — Юсти-

ниан, не жалевший никаких средств на постройку. София стала в разных смыслах храмом-собирателем. Для строительства были привезены остатки многих монументальных сооружений древности Греции и Рима. Из храма Артемиды в Эфесе (того, кото-

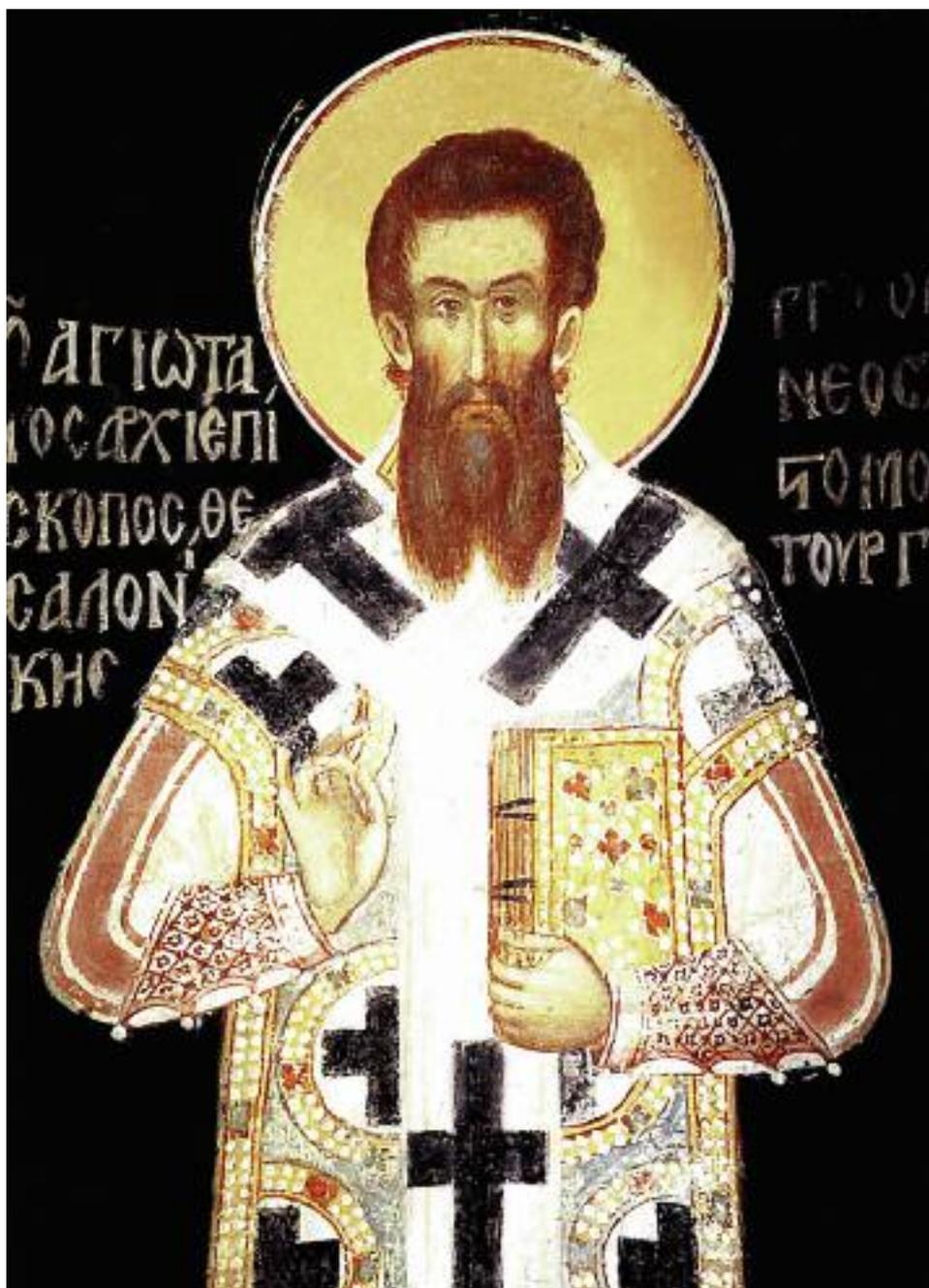
рый некогда был подожжен Геростратом) привезли колонны. Мраморные плиты доставили из древних каменоломен Фессалии, Лаконии, Кари, Нумидии и со знаменитой горы Пентеликон близ Афин, из мрамора которой за десять веков до Аия-Софии был построен на Акрополе Парфенон — храм Девы-Афины. Центральные — императорские — двери, по преданию, сделаны из остатков Ноева ковчега. Юстиниан в тщеславном порыве решил было вымостить пол плитами ковчаного золота. И даже все стены внутри храма намеревался покрыть золотом же, но его все же отговорили от этого. Известь для храма разводили на ячменной воде, в цемент добавляли масло, а для верхней доски патриаршего престола был создан материал, которого до того не существовало: в расплавленное золото бросали драгоценные камни — рубины, сапфиры, аметисты, жемчуга, топазы, ониксы. Полностью секреты строительного раствора разгадать не удалось, но налицо вещественное выражение исторического ритма — сначала византийская плоть впитывает золото и драгоценности, потом их оттуда варварски выковыривают завоеватели.

Работа, начатая 23 февраля 532 года, продолжалась 5 лет и 10 месяцев. «Я превзошел тебя, Соломон!» — воскликнул Юстиниан по окончании работ (кстати, он называл свою столицу Новым Иерусалимом, а не Римом). 916 лет София была главной церковью православного мира. В 1453 году взявший Константинополь султан Мехмед II Завоеватель повелел превратить собор в мечеть, каковой Аия-София была 481 год. В 1934 году по указу вождя новой светской Турции Кемаля Ататюрка Аия-София была се-

куляризована и превращена в музей. Началась не лишенная идеологических коллизий реставрация. Для того чтобы обнаружить и восстановить испорченную или закрашенную христианскую мозаику и иконы, реставраторы шли и на разрушение некоторых исторически важных элементов исламского искусства, в целом пытаясь сохранить баланс между обеими мировыми культурами.

Несколько приземленная покладистость храма снаружи, вполне органично впитавшая в свой облик и позже пристроенные четыре минарета, резко контрастирует с ощущением нигде не виданного простора внутри храма. Этот простор поглощает даже куда менее органичные, чем минареты, висящие на углах чуть ниже купола восемь щитов из ослиной кожи с изречениями из Корана и именами первых халифов. Ататюрк приказал убрать отсюда эти щиты, но сразу после его смерти в 1938 году они были возвращены на место. В 2006 году в храме было возобновлено и проведение мусульманских религиозных обрядов. Но храм остается прежде всего музеем.

Аналогичный упрек (насчет искажения исконного вида) можно сделать и по поводу упирающихся в купол реставрационных лесов (которые сами по себе представляют современное инженерное чудо). Невольно возникает обратное сравнение – не стали ли минареты своеобразными лесами-подпорками веры (чтоб и христианство фаллически-реанимационно взбодрить)? В целом же именно константинопольская София, при всех ее «переделках», сформировала облик Стамбула. Между прочим, это тоже вполне греческое название, только с турецким акцентом. Топоним Стамбул (Istanbul) произошел от искаженного

Святитель Григорий Палама

Второй и Третий Римы стали степенями отрицания Первого... И воспринятый при этом христианский дух оказался опосредованным, утяжеленным множеством обременений, которыми византийское православие за несколько столетий успело уснастить христианскую веру и которые стали не приближать человека к Христу, а, напротив, удерживать на некоторой дистанции.

греческого выражения *eis ten polin* – «в город».

Застраивая город мечетями, турки учились архитектуре прежде всего у прежних хозяев города – византийцев. У множества совершенно византийских на вид храмов XVI, XVII и даже XVIII веков, «украшен-

ных» минаретами, прототип один и тот же – софиеобразный. Прав, пожалуй, политолог Сергей Черняховский: «Мусульманский Стамбул в каком-то смысле куда больше можно считать продолжателем Византии, чем Москву, ставшую центром и основой

совершенно иного мира». Фактическое падение Византийской империи произошло еще в 1204 году, когда Константинополь с подачи Венеции был взят крестоносцами, почти шестьдесят лет (а не несколько дней, как турки) непрерывно грабившими город в рамках так называемой Латинской империи. Восстановленная же в 1261 году Византия Палеологов была уже явной пародией. Турки оказались в роли санитаров исторического биоценоза, и лес катедри пророс лесом мечетей.

евнух, владеющий каким-либо ремеслом, ценился в 70 номисм.

Что первым делом сделал Мехмед II, когда в 1453 году утихли страсти штурма? Приказал выбросить из могилы на съедение собакам прах 96-летнего венецианского дожа Энрико Дондоло, стараниями которого собравшиеся было опять освобождать Святую землю от неверных в рамках Четвертого Крестового похода крестоносцы и оказались у стен Константинополя. А потом, когда с пола Софии

туда же, где находятся и источник русского текста как такового, — к «Повести временных лет»: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми и служба там лучше, чем в других странах». Лучше не скажешь и сейчас о силе эстетического воздействия внутреннего пространства Софии. Именно здесь случился с нами первый эстетический укус в орган веры. Вероятно, стоит под этим углом перечитать и пушкинскую «Песню о вешем Олеге». А вот древние жители Крита, говорят, были устроены так, что когда их кусала змея, то она же и умирала...

Диагноз нашему укусу поставил Василий Розанов: «Разлагаясь, умирая, Византия нашептала России все свои предсмертные ярости и стоны и завещала крепко их хранить России. Россия у постели умирающего очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла их нежно к детскому своему сердцу и дала клятвы умирающему». А суть этой клятвы заключалась прежде всего в том, чтобы хранить в сердце чувство смертельной ненависти к западным племенам, более счастливым по своей исторической судьбе. Так, Второй и Третий Римы стали степенями отрицания Первого... И воспринятый при этом христианский дух оказался опосредованным, утяжеленным множеством обременений, которыми византийское православие за несколько столетий успело уснастить христианскую веру и которые стали не приближать человека к Христу, а, напротив, удерживать на некоторой дистанции. Для Владимира Соловьева ви-

Владимир Соловьев:

«В лице Петра Великого Россия решительно обличила и отвергла византийское искажение христианской идеи — самодовольный квиетизм. Вместе с тем Петр Великий был совершенно чужд навуходоносоровского идеала власти для власти. Его власть была для него обязанностью непрерывного труда на пользу общую, а для России — необходимым условием ее поворота на путь истинного прогресса».

Неожиданный смысл приобретает неоднократно отмеченное позднейшее внешнее сходство Ататюрка с волком (но не лесным, а степным). О биоисторической органичности перетекания Византийской империи в Османскую свидетельствует не только архитектура, но и характер имперского устройства, жестокие нравы монарствовавших в обеих империях династий. Вплоть, кстати, до института евнухов, какие бы осовремененные византийско-российские метафоры ни проповедовал в своем поп-кино — нашумевшем телефильме «Гибель империи. Византийский урок» — архимандрит Тихон (Шевкунов). При этом турки, конечно, значительно упростили имевшую множество внутренних перегородок структуру общества. Согласно закону Юстиниана, адресованному префекту претория Демосфену, раб-ремесленник стоил 30 номисм, в то время как необученный раб — 20 номисм. Раб-

была смыта кровь попытавшихся спастись здесь осажденных, султан распорядился внести в храм деревья в кадках и развесить по вервям золотые клетки с птицами, дабы производимое здесь на завоевателей впечатление рая стало абсолютным. И неправда, что его конь поскользнулся на еще залитом кровью полу, и всаднику, чтобы не упасть, пришлось опереться о стену у алтаря ладонью, отпечаток которой и сейчас показывают докучливые гиды. На самом деле Мехмед вошел в Софию спешившись и даже посыпав свой тюрбан пылью в знак смирения и примирения — даже не дождавшись, когда с пола будет смыта кровь. Акт о взятии города Мехмед приказал составить по-гречески, на ионийском диалекте — языке Фукидида.

Однако вернемся к не столь назидательным истокам русского «Текста Софии» (или, может быть, текста о невозможности такого текста) —

зантизм стал синонимом неспособности и нежелания выполнять главные жизненные требования христианской веры. Христианская идея оказалась для византийцев не движущим началом жизни, а лишь предметом умственного признания и обрядового почитания. Среди «общественных грехов» византизма — равнодушные государства к неформальной религиозно-гражданской, религиозно-нравственной жизни людей и к задачам ее развития.

В деле государственного и религиозного строительства, по Соловьеву, России у Византии, в сущности, учиться нечему: «Россия с самого начала своей исторической жизни обнаружила преимущества своего религиозно-политического сознания перед византийским. Первый христианский князь киевский, который, бывши язычником, неограниченно отдавался своим естественным склонностям, крестившись, сразу понял ту простую истину, которой никогда не понимали ни византийские императоры, начиная с Константина Великого, ни епископы греческие, между прочим, и те, что были присланы в Киев для наставления новых христиан. Он понял, что истинная вера обязывает — именно обязывает — переменить правила жизни, своей и общей, согласно с духом новой веры. Он понял это и в применении к такому случаю, который был неясен не для одних византийцев; он нашел несогласным с духом Христовым казнить смертью даже явных разбойников. Новокрещенный Владимир понял, что отнимать жизнь у людей безоружных и, следовательно, безвредных — в отмщение за их прежние злодеяния — противно христианской справедливости. Замечательно, что в таком отношении к этому вопросу он руководился не од-

ним только естественным чувством жалости, а прямо своим сознанием истинных христианских требований».

Худший пример византиста — патриарх Никон. А вот как расценивает Владимир Соловьев скорее антивизантийскую направленность противоречивых, конечно, реформ Петра I: «Россия в XVII веке избежала участи Византии: она создала свою несостоятельность и решила совершенствоваться. Великий момент этого сознания и этого решения воплотился в лице Петра Великого. Если Бог хотел спасти Россию и мог это сделать только чрез свободную деятельность человека, то Петр Великий был, несомненно, таким человеком. При всех своих частных пороках и дикостях, он был историческим сотрудником Божиим, лицом истинно провиденциальным, или теократическим. Истинное значение человека определяется не его отдельными качествами и поступками, а преобладающим интересом его жизни. И едва ли во всемирной истории есть другой пример такого, как у Петра Великого, всецелого, решительного и неуклонного преобладания одного нравственного интереса общего блага. От ранних лет понявши, чего недостает России, чтобы стать на путь действительного совершенствования, он до последнего дня жизни заботился только о том, чтобы создать для нас эти необходимые условия. В лице Петра Великого Россия решительно обличила и отвергла византийское искажение христианской идеи — самодовольный квиетизм. Вместе с тем Петр Великий был совершенно чужд наводносоровского идеала власти для власти. Его власть была для него обязанностью непрерывного труда на пользу общую, а для России — необходимым условием ее пово-

рота на путь истинного прогресса. Без неограниченной власти Петра Великого преобразование нашего Отечества и его приобщение к европейской культуре не могло бы совершиться, и он сам смотрел на свое самодержавие как на орудие этого провиденциального дела». Но, в конечном счете, и Петр «принял смерть от коня своего»...

Проект обестуреченной Византии

Отталкиваясь от исторического исследования британского историка Дмитрия Оболенского «Византийское содружество наций», советник министра иностранных дел Нагорно-Карабахской Республики Рубен Заргарян в многократно перепечатанной статье «Для силы России необходим византизм» пытается убедить читателей, что возрождение нового византийского союза... без Турции (!) очень соответствует национальным интересам всех прочих народов, населяющих Восточное Средиземноморье. «Формирование единой воли восточно-средиземноморских народов для противостояния турецкой экспансии объективно будет влиять на переориентацию Турции к проведению ответственной цивилизованной политики, что в будущем может способствовать ее интеграции в Восточное Средиземноморское сообщество». Получается какой-то вывернутый аналог-антипод пресловутой ельцинской «суверенизации» России — идеи, которая поначалу просто ошарашила союзные элиты.

История Византии, конечно, поучительна, эстетика бесподобна, но современные маниеподобные византийские фантазии так и норовят то зрелище лишить, то еще какого-либо мыслительного органа. Это нарратив истории болезни. (E)